

RU

Семантические особенности диалектной лексики олонхо М. Е. Новикова – Мэлэх Мэхээлэ «Дуолан Баай Тойон, Арбас Баай Хотун»

Николаев Е. Р.

Аннотация. В данной статье анализируется диалектный состав лексики якутского эпоса олонхо. Описаны семантические особенности диалектных слов, которые во многом обусловлены локальными сказительскими традициями и соотношением сказительского лексикона с говорами якутского языка. Цель исследования – описание семантических особенностей диалектных слов, которые используются в олонхо амгинского сказителя М. Е. Новикова – Мэлэх Мэхээлэ «Дуолан Баай Тойон, Арбас Баай Хотун». Научная новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются семантические особенности лексики олонхо в аспекте выявления диалектных признаков. В результате установлено, что диалектная лексика олонхо является репрезентантом центральной диалектной зоны якутского языка. Определено, что диалектная лексика в эпическом тексте употребляется при описании окружающего предметного мира, внешних особенностей персонажа. Выявлены монгольские, тунгусо-маньчжурские лексические параллели. Уточнен языковой источник заимствования некоторых слов: тюркизм – хойук ‘лодка’, эвенкизм – танса харыйа ‘кедр’. Предпринятый анализ показал, что диалектная часть лексики олонхо имеет стабильный характер. Присутствие диалектных слов в якутском эпосе свидетельствует о степени их значимости в фольклорной традиции якутов.

EN

Semantic features of the dialect vocabulary of the olonkho ‘Дуолан Баай Тойон, Арбас Баай Хотун’ by М. Е. Novikov – Melekh Mekheele

E. R. Nikolaev

Abstract. The paper analyzes the dialect composition of the vocabulary of the Yakut epic olonkho. The semantic features of dialect words are described, which are largely due to local storytelling traditions and the correlation of the storytelling lexicon with the subdialects of the Yakut language. The aim of the study is to describe the semantic features of dialect words that are used in the olonkho ‘Дуолан Баай Тойон, Арбас Баай Хотун’ by the Amga storyteller М. Е. Novikov – Melekh Mekheele. The study is novel in that it is the first to consider the semantic features of the olonkho vocabulary in terms of identifying dialect features. As a result, it was found that the olonkho dialect vocabulary is a representative of the central dialect zone of the Yakut language. It was determined that the dialect vocabulary in the epic text is used when describing the surrounding objective world, the external features of a character. Mongolian, Tungusic lexical parallels were revealed. The linguistic source of borrowing of some words was clarified: хойук ‘boat’ – a Turkism, танса харыйа ‘cedar’ – an Evenkism. The analysis carried out showed that the dialect part of the olonkho vocabulary has a stable character. The presence of dialect words in the Yakut epic indicates the degree of their importance in the folklore tradition of the Yakuts.

Введение

«Известный тюрколог С. Е. Малов называл олонхо “якутскими эпическими поэмами” и сравнивал их с монгольскими былинами и киргизским эпосом. Другой тюрколог, акад. А. Н. Самойлович, писал: “По-моему, олонхо – эпические поэмы”» (Пухов, 1980, с. 26). В свете этих мнений, в частности о поэтическом слове олонхо, и опуская историю изучения сюжета, композиции, поэтики и жанровых признаков олонхо, на сегодняшний день актуально обратить внимание на языковые особенности якутского эпоса, поскольку «вся поэтическая

система эпоса направлена к тому, чтобы из всего окружающего мира выделить и определить нужное с совершенной четкостью и точностью, так, чтобы созданный поэтическим воображением образ предстал перед слушателем во всей его зрительной конкретности» (Пропп, 1958, с. 522).

Языковые особенности олонхо обусловлены локальными традициями сказительства, т. к. они позволяют выявить его лексические, грамматические особенности. В. В. Илларионов «первым классифицировал олонхо по сказительским “школам”» (Кузьмина, 2014, с. 15). Так, олонхо М. Е. Новикова относится к амгинской эпической школе, в которой представлены олонхосуты Т. В. Захаров-Чээбий, Н. А. Абрамов-Кынат, У. Г. Нохсоров и др. В репертуаре амгинских сказителей присутствуют такие олонхо, как «Ала Булкун», «Ала Туйгун бухатыр», «Дэбиэ Дэлэй бухатыр», «Кыгыс Туйгун», «Сылгы уола Дыырай бухатыр», «Үрүн Үөдүйээн», «Хаан Дьаргыстай бухатыр», «Эр Соҕотох» и др., которые были в свое время общеизвестными практически во всех улусах, где была развита сказительская традиция (Илларионов, 2016, с. 16). Тем самым можно допустить, что олонхо М. Е. Новикова содержит тот же лексический состав, который мы привыкли воспринимать в ранее опубликованных текстах олонхо.

Основными компонентами ярких эпитетов, метафор, сравнений и т. д., конечно же, являются лексические единицы, часто употребляемые или присущие и понятные той или иной локальной традиции сказительства. Известно, что в трудах дореволюционных исследователей (А. Ф. Миддендорф, И. А. Худяков, С. В. Ястремский, Э. К. Пекарский, В. Л. Серошевский и др.) были заложены первоначальные основы изучения лексического состава олонхо (Роббек, 2014, с. 9). В наше время о лексическом богатстве языка олонхо (об изобразительной лексике, о русизмах, об окказиональных словах, о семантических архаизмах и др.) писал академик П. А. Слепцов (1989, с. 8-23). Лексический состав (русизмы, лексика посуды и утвари, интерьера, мифологии и т. д.) олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур» и специфика идиолекта сказителя И. Г. Тимофеева-Теплоухова были изучены Е. Н. Афанасьевой (2013, с. 128-141). Из последних исследований можно выделить текстологический анализ олонхо «Бардам Баабый» А. Н. Даниловой и Н. А. Оросиной (Местников, 2023, с. 378-382), а также статью Н. И. Даниловой (2023, с. 22-39), в которой рассматриваются архаичная лексика, признаки западной диалектной зоны, семантика имени главного героя и т. д. в олонхо А. Т. Титарова «Хардааччы Бэргэн». Среди исследований языка эпоса также можно назвать монографию О. В. Субраковой (2007), в которой изучена лексика хакасского эпоса, отмечены общие лексемы для тюркских языков и свойственные языку шорцев, тувинцев, алтайцев, а также якутов и киргизов.

Обзор литературы по изучению лексики олонхо показал, что до сих пор открытым стоит вопрос семантического описания тематических групп лексического состава олонхо – диалектных слов, архаизмов, заимствованных слов, лексических параллелей с родственными и неродственными языками и т. д. – в качестве необходимого материала для лексического анализа олонхо. Возможно, в этой ситуации одним из немаловажных нюансов является тот факт, что каждый текст олонхо обладает своеобразием личностного плана: «Тот или иной фольклорный текст (вернее, вариант текста) по своему языковому оснащению является частным случаем проявления фольклорного языка в широчайшем диапазоне его варьирования, расцвеченным индивидуальным творчеством, манерой его творца, школы, региональными языковыми особенностями» (Слепцов, 1991, с. 100-101). Известно, что олонхо «имели и территориальные различия (например, всегда имели свои местные особенности олонхо северных или вилюйских якутов, или же амгино-таттинцев), а также – различия по сказительским “гнездам” или “школам” внутри этих районов, где отчетливо проступают унаследованные индивидуальные традиции особо выдающихся олонхосутов» (Васильев, 1973, с. 84-85).

Из вышесказанного становится очевидно, что актуальность нашего исследования обусловлена следующими факторами:

- необходимость изучения диалектного пласта в эпических текстах для пополнения диалектного корпуса современного якутского языка;
- в лексикографических источниках присутствуют диалектные слова, которые требуют уточнения их принадлежности к тому или иному говору для подготовки нового дополненного тома диалектологического словаря якутского языка;
- привлечение в анализе семантики лексических единиц олонхо языкового материала других языков (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и русский) дает возможность прояснить лексический состав идиолекта сказителя.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

- выявить диалектный состав олонхо М. Е. Новикова – Мэлэх Мэхээлэ «Дуолан Баай Тойон, Арҕас Баай Хотун»;
- определить семантику наиболее характерных лексических единиц в олонхо, относящихся к диалектной лексике якутского языка;
- прояснить происхождение диалектных слов на материале диалектологических словарей;
- уточнить принадлежность диалектных слов к тому или иному говору якутского языка;
- определить роль рассматриваемых диалектных слов в тексте олонхо.

Основным методом исследования является описательный метод с элементами семантизации для определения мотивирующих признаков слова. Методом выборки из лексикографических источников были установлены дефиниции рассматриваемых слов. Для верификации значения слова используется сравнительно-сопоставительный метод.

Исследование проведено на материале рукописи олонхо Михаила Ефимовича Новикова – Мэлэх Мэхээлэ «Дуолан Баай Тойон, Арҕас Баай Хотун», записанного в 1906 г. этнографом, фольклористом В. Н. Васильевым.

Рукопись хранится в Рукописном отделе Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук среди документов Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук – фонд 5, опись 7, единица хранения 82. Документ состоит из 154 листов. Рукопись была впервые издана в виде книги, где рассмотрены сюжет, ономастический репертуар, особенности поэтики. Автор данной статьи был участником этого проекта в части изучения языка олонхо – описание фонетических, морфологических, лексических особенностей (Николаев, 2024, с. 12-24).

Для исследования были использованы следующие источники:

- БМРС: Бурят-монгольско-русский словарь: около 25000 слов / сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951;
- БТСЯЯ: Большой толковый словарь якутского языка: в 13-ти т. Новосибирск: Наука, 2007. Т. IV. Буква К / под ред. П. А. Слепцова;
- Горнай олонхолоро = Олонхо Горного улуса. Дьокуускай: Бичик, 2010. Т. 8 / отв. ред. Н. А. Алексеев;
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Изд-е 2-е, испр. и знач. умнож. по рукописи авт. СПб. – М., 1881. Т. 2. И – О;
- ДАЯЯ: Диалектологический атлас якутского языка: сводные карты: в 4-х ч. / отв. ред. И. Е. Алексеев; сост. С. А. Иванов. Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. Ч. 1. Фонетика;
- ДСЯС: Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / сост.: М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995;
- ДСЯЯ: Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976;
- ДТС: Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969;
- Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро = Олонхо Жулейского наслега. Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2013;
- Зверев С. А. Аман өс: Ырыалар, тойуктар, поэмалар = Заветное слово: песни, тойуки, поэмы. Избранное. Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1971;
- Кривошапкин А. Н. Хара дьоруо аттаах Хара Ньургун бухатыыр = Черного иноходца имеющий Ньургун Боотур Могучий. Дьокуускай: ГЧ уо. ХААНПИ, 2011;
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006;
- Местников А. Г. Бардам Баабый. Олонхо, предания, алгысы: фольклорные материалы / сост.: А. Н. Данилова, Н. А. Оросина; отв. ред. Н. В. Покатилова. Дьокуускай: АН НИК «Айар», 2023;
- Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь: около 30000 слов / отв. ред. В. А. Роббек. Новосибирск: Наука, 2004;
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. Изд-е 2-е. М.: АН СССР, 1959. Т. II;
- Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка: в 2-х ч. Новосибирск: Наука, 2003. Ч. 1. А – Дь;
- Сивцев Г. Ф. Сахалы кылгас тылдыт = Краткий словарь якутского языка / ред. П. С. Афанасьев. Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-вота, 1979;
- СИГТЯ: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Изд-е 2-е, доп. М.: Наука, 2001;
- ТРС, 1968: Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева; Тувин. науч.-исслед. ин-т яз., литературы и истории. М.: Сов. энциклопедия, 1968;
- ТРС, 1977: Турецко-русский словарь: 48 000 слов / ред.: Э. М.-Э. Мустафаев, Л. Н. Старостов. М.: Русский язык, 1977;
- ТСЯЯ: Толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. III;
- Уурастырап Күннүк. Нуоҕалдьын Кугас аттаах Тойон Дьаҕарыма бухатыыр = Нуогальджын Кугас аттаах Тойон Джагарыма богатырь: олонхо. Якутскай: САССР государственной изд-вота, 1941.

Теоретической базой исследования послужили труды якутского диалектолога С. А. Иванова. По его определению, амгинский говор относится к окающей группе говоров якутского языка – это говоры Горного, Мегино-Кангаласского, Чурапчинского и Таттинского улусов без северных наслегов, а также говоры населения Орджоникидзевского (ныне Хангаласского), Усть-Майского и Амгинского улусов, отличающиеся от окающих говоров произношением огубленных вариантов: *оруһах, оҕунуох, ооһуй, дойду, өлүөр, мөккүөр, сөрүүн* и т. д. (Иванов, 1993, с. 40). Эти говоры вместе с говорами кобайских, намских, усть-алданских якутов составляют *центральную диалектную зону* якутского языка. Тем самым наше исследование может подкрепить диалектологический корпус языка данными из эпического текста амгинского сказителя.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для пополнения базы данных диалектологического корпуса якутского языка, а также для изучения многозначности слов якутского языка.

Обсуждение и результаты

Данные последней экспедиции в Амгинском улусе подтверждают, что амгинский говор сохраняет ранее выявленные характерные черты (прежде всего в области фонетики): использование орудного падежа (*саанан*);

присутствие практически равноколичественного употребления кратких и долгих гласных (*чаһы/чаһыы, чай/чэй/чаай/чээй, аҕабыт/аҕабыыт*); лексика отражает особенности центральных говоров в плане фонетических признаков, лексического состава, лексико-тематических групп и т. д. (Организация и проведение..., 2022).

В лексическом плане олонхо М. Е. Новикова – Мэлэх Мэхээлэ, на первый взгляд, не имеет особого своеобразие, поскольку амгинское олонхо включается в традицию сказительства центральных улусов, то есть можно сказать, что изначально сказитель «придерживается» общекутских правил правописания (скорее, произнесения). К тому же диалектная лексика центральной группы говоров настолько культивирована в художественной литературе, что основной лексический состав понятен всем носителям якутского языка. Однако всё же по тексту можно выявить некоторые интересные моменты, позволяющие проявить и лексикон сказителя.

Позволим себе остановиться на проявлении семантических особенностей наиболее характерных диалектных слов. Выборка из рукописи обоснована тем, что ранее большинство из этих лексем не были подробно рассмотрены в семантическом аспекте.

Абыры: ...*бастын баараҕай сэргэтигэр абырытыгар диэри кэлэн туруору түһэн кэбистэ...* = воткнулась в главное огромное сэргэ до самого основания (копье); *абыры* – основание инструмента, орудия у черенка, рукоятки; // *абарыы, абырыт, абарыы*, вил., в.-вил. (ДСЯЯ, 1976, с. 39). Присутствие в олонхо амгинского сказителя диалектного слова, относящегося к олекмо-вилуйской группе говоров, может свидетельствовать о двух моментах: либо перед нами пробел в сборе диалектного материала, либо данное слово является компонентом общепотребляемых формульных выражений олонхо. Мы склоняемся к первому пункту.

Алчаҕар: ...*аҕыһуонун аҕаарыйа туолан, алчаччи кырдьан хаалбыт эмээхин...* = достигшая восьмидесятилетия, выжившая из ума от старости. Семантика достаточно прозрачна: *алдьаас*, мом., ср.-кол., в.-кол. // *альдьаас, алььяас; алҕијаги*, п.-м. ‘уствовать, обессилевать’; мом., сакк. *алдьааһыр* – ‘впадать в старческое слабоумие’ (ДСЯЯ, 1976, с. 44). Исходная основа *алчаҕый* – является синонимом *сыыкаар*-, вил., сад. ‘долго болеть; хиреть’. Возможно, здесь сказитель описывает не только физическое состояние, но и внешний облик персонажа. Кстати, семантическое поле *алчаҕар* в периферии своего семантического поля пересекается с часто употребляемым в качестве классического примера диалектизмом *алчах*, верх., вил., коб., в.-вил. ‘лягушка’ (ДСЯЯ, 1976, с. 44). Возможно, диалектное название лягушки, которое обозначает отличительные признаки ног, отчасти ассоциируется с анатомическими изменениями тела (ног) престарелого человека.

Баҕады: ...*мунду баҕадытын саҕа тимир килиэ ыстаанын...* = с железными штанами величиной с невод для голяна: *баҕады* ‘невод’ считается монголизмом ‘орудие, инструмент, снасть’ (Попов, 2003, с. 105). В современном якутском языке *баҕады* чаще воспринимается как невод для подледной рыбалки, однако смещен нормативной лексемой *мунха*. В диалектной лексике имеет весьма обширное распространение и значение: 1. *баҕады*, амг., бул., горн., м.-канг., нам., олекм., сунт., татт., у.-алд. ‘невод’; 2. ойм., вил. окр. ‘звероловная изгородь’; эвф., ойм. ‘самострел’; ср.-кол. ‘стрела лука’; ср. п.-м. *баҕаҕи* ‘орудие, инструмент’ (ДСЯЯ, 1976, с. 57).

Дьүөгэ: ...*түөрт атахтаах түргэн айы дьүөгэтэ...* = ...четырёхногий быстроногий друг айы... Дьүөгэ – задружная подруга, приятельница (мужчины, молодого человека); искренний друг или подруга, приятель или приятельница (ТСЯЯ, 2006, с. 466). В олонхо сохраняется значение слова *дьүөгэ*, которое употреблялось ранее, например, в старинных песнях различного жанра: ...*Арбах бастаах / Атыыр ойуун аргыстын / Түүлээх төбөлөөх / Түөкүн ойуун дьүөгэбин / Түнгэри дьүһүйдэҕим буоллун, / Таннары алкыйдаҕым буоллун...* = ...С всклоченной лохматой головой / Спутника моего самца-шамана / С волосатой головой / Хитрый шаман-друг / Чтобы я описал его дерзко / Чтобы я околдовал его худо («Булаайах ырыата», букв. перевод) (Зверев, 1971, с. 124). В современном якутском языке *дьүөгэ* употребляется только в значении ‘подруга’. Значение ‘друг; приятель’ практически утрачено. Гендерность изредка проявляется в художественной литературе, а также в онимическом пространстве, например в литературном псевдониме – *Дьүөгэ Ааныстыырап* (писатель Н. К. Седалищев). *Дьүөгэ*, возможно, эвенкизм: *нэгэ* ‘двоюродный’ (Попов, 2003, с. 176).

Көбүөр эмий: ...*көнтөс көбүллээх, көбүөр эмийдээх, көмүскэллээх санаалаах, көмүс хонуруулаах, күн-күбэй хотун эмээхин...* = ...с чёлкой как конские поводья, с пышной грудью, милосердная мыслями, солнцедостопочтенная госпожа-старуха... Основа *көл*- во втором случае используется для обозначения части тела (груди) женских персонажей олонхо. Слово *көбүөр* перекликается с лексемой *көбүөр-таһыар* ‘кумысный кожаный сосуд’. Основа *көл*- может быть ядром семантического поля, в которое могут включаться: *көбдөркөй*, в.-кол. ‘быстро выбивающийся из сил, невыносливый’ (ДСЯЯ, 1976, с. 115); *агда*, олен., *көбдөҕө*, жиг. ‘лямка в оленьей упряжи’ (ДСЯС, 1995, с. 35, 86); *көбдө* I: ‘рыхлый, неплотный’ (БТСЯЯ, 2007, с. 201, 202); *көбдөх* ‘область грудной клетки человека и животных’ (БТСЯЯ, 2007, с. 202) и др. В данном олонхо есть также такое интересное словоупотребление слова *көбдө* ‘легкие’ – *көбдөн/көбдөн*: ...*көбдөннөөх киһи саҕа көстүбэтин уола көбөрө сүүрэ сыллар дойдута эбит...* = букв. невидимый человек с легкими бегаёт до посинения (об обитателях Нижнего мира). В связи с этим можно предположить, что мотивация семантики основана на сравнении, отождествлении формы части тела с объёмным предметом. Слово часто используется как компонент эпитетов в олонхо при описании женских персонажей.

Күрбэ дьяама иин. С большой натяжкой можно предположить, что здесь описывается яма, которая имеет каменную насыпь (?): *күрбэ* I 1. вил., ойм., олен., сунт. ‘валун’ или *күрбэ* II, вил., ойм., ток., у.-алд. ‘мост через речку’ (ДСЯЯ, 1976, с. 132). Во всяком случае мы можем добавить помету *амг.* в ареале употребления *күрбэ* в значении ‘валун’.

Күскэм: ...*үрүн күскэм үрдүгэр үктэтэн...* = застилать белую пышную шкуру под их ногами...; ...*баай бөҕө талымнаах дьон эбит, өнөр бөҕө күскэмнээх дьон эбит...* = ...с лучшим богатством люди, с лучшим изобилием люди...; ...*Күрүө Баай Тойон аҕалаах, Күскэм Баай Хотун ийэлээх...* = ...с отцом Күрүө Баай Тойон (букв. Изгородь

Богатый Господин, с матерью Күскэм Баай Хотун (букв. *Изобильная Богатая Госпожа*)... Күскэм *тириитэ* – пыжик, т. е. доха из оленьей шкуры или сама шкура с пышной, густой шерстью. Шкура может быть и оленьей, и медвежьей: күскэс ‘шкура двух-, трехлетнего медведя или оленя’ (преимущественно в северо-восточных говорах) (ДСЯЯ, 1976, с. 133). В тексте используется в основном күскэм в значении ‘богатство, изобилие’. Основной күскэм является глагол күскэй ‘вздуться (о жирном человеке, о зерне); вспухать, толстеть’, который с помощью аффиксов -м, -л также обозначает как качественные, так и количественные свойства чего-либо, например большой размер: күскэл ‘полный, вздутый’; *Маџан Күскэл* ‘одно из названий духа огня’; большое количество: күскэм ‘обилие, множество; многочисленный’; күскэм ас ‘много пищи’; өнөр күскэм ‘несметное множество; изобильное богатство’; *Манан Күскэм Хотун* ‘дух-хозяйка всех принадлежностей кумысной попойки’ (Пекарский, 1959, стлб. 1341). Күскэм в олонхо относится к типичному компоненту эпитетов вещного мира эпоса и используется для гиперболизации семантики обозначаемого предмета.

Мураан: ...*бырдангалыыр мураанга бырдангалаан*... = ...скакать-подпрыгивать по холмам... В аб., в.-кол. говорах означает обширное чистое поле, долину (ДСЯЯ, 1976, с. 166). Фонетические модификации *мураан*, *мураан*, *быраан* активно употребляются и как отдельный географический термин – горы, холмы вдоль берега или долины реки; коренной берег, высокая терраса (обычно у рек, текущих по плоскогорью), и как микропоним (например, *Ат Быраан*, *Чочур Мураан*). Лексические параллели существуют в тувинском (*бурен*), монгольском (*мүрэн*), бурятском (*мурин*) языках в качестве гидронимических терминов (Зыков, 1998, с. 89). В данном олонхо *мураан*, скорее всего, употребляется в общеякутском значении ‘холм (вдоль берега или долины реки)’.

Ньында: ...*тыымпы күөлү тыыра үктээн ньындалары көһөрдүлэр*... = ...наступив на озеро, разорвали по швам, так что вся ньында переехала... (букв. перевод). *Дьында*, вил. ‘оторвавшаяся дерновина или всплывший ил при вскрытии льда на озере’, *чынна*, аб., в.-кол. ‘всплывший донный лед на озере’ (ДСЯЯ, 1976, с. 102, 305); в индигирском говоре: *сааскы дьында* ‘покрытый илом весенний лёд, отделившийся от берега озера’ (ДСЯЯ, 1976, с. 102). Считается, что географический термин *ньында* имеет монгольские параллели: «...основа *дьында*... соответствует монголизму *шингэн*, оттенок ее значения находит тождество в бурятском (ср. як. ‘вязкий’ (о болоте) // бур. ‘вязкий’), а также имеет семантическое сходство (ср. монг. ‘жидкий, водянистый’)» (Семенова, Нелунов, 2017, с. 154). Соответствие [ч]~[дь]~[нь] считается достаточно распространенным диалектным явлением, которое проявляется в фонетических модификациях типа *чаалбаан-ньяалбаан-дьяалбаан*, из которых *ньяалбаан* более всего предпочтителен в центральных говорах (ДАЯЯ, 2004, с. 24). Лексема *ньында* достаточно часто присутствует в описаниях ландшафта в олонхо как часть устойчивой формулы, обозначающей место действия (общеэпическое типическое место типа *имена персонажей, обозначение времени, основные действия*), о котором писал А. Б. Лорд (1994, с. 47, 48).

Талаһа: ...*тардыстар талаһата, үктэнэр өйөөлүлэ*... = ...мостик, к которому можно тянуться, опора, на которую можно ступать... Достаточно распространенный эвфемизм (в.-вил., в.-кол. говоры), обозначает ‘конь’ (ДСЯЯ, 1976, с. 234), который в действительности является обозначением *талаһа-далаһа* ‘мостик, настил для перехода водоема’. Диалектное картографирование говорит о том, что начальное [д] употребляется повсеместно, но в центральных говорах отдается предпочтение начальному [т] с колебаниями [т]~[д], например: *толоһой-долоһой* ‘спинной мозг’, *таллан куоһас-даллан куоһас* ‘гагара полярная’, *тайар-дайар* ‘взлетать; парить’ (Воронкин, 1980, с. 92).

Таас танса харыйа, букв. *каменная танса ель*. Диалектологический словарь определяет *танса* /?/ *харыйа* как ‘пихта’ (ДСЯЯ, 1976, с. 235). Дополнительные источники говорят, что *танса* – это ‘кедр’ в майском говоре эвенкийского языка (Мыреева, 2004, с. 603). В словаре Г. Ф. Сивцева (1979, с. 129) *танса* определено как ‘пихта’ и уточнено прилагательным *ыылаах* ‘с неприятным или специфическим, особым запахом’. Видимо, в олонхо описывается хвойное дерево, эпический образ которого указывает, скорее всего, и на кедр, т. к. кедр, в отличие от пихты, может произрастать и на каменистой почве (Крылов, Таланцев, Козакова, 1983, с. 16). Однако определение *ыылаах* пока не дает полного ответа по вопросу семантики *танса харыйа*.

Тигээр: ...*Бу дойду отун-маһын тигээрдээбит сүһү кутуругун курдук*... = ...травы-деревья этой страны словно коровьи хвосты, трубой торчащие хвосты, когда они убегают от ос... В олонхо употребляется фонетический вариант литературно-нормативного слова *тигээйи* ‘оса’: *тигээр*, у.-алд. ‘оса’ (ДСЯЯ, 1976, с. 236). Производной основой является глагол *тик*- ‘жалить, ужалить’ + -ээр (имяобразующий аффикс). Глагол *тик*-в якутском языке в прямом значении означает ‘шить, сшивать; наложить шов’, в переносном значении – ‘жалить, ужалить’, восходит к др.-тюрк. *тік*- ‘шить; жалить’ (ДТС, 1969, с. 558).

Үүс: ...*үүс-киис тириитэ бэргэһэтэ кэтэрдэн*... = ...надев шапку из рыси-соболя... В аб., ан., бул., нюрб., олекм., сунт., у.-алд., в.-вил., чур. говорах означает ‘рысь’. Имеет параллель в тувинском, хакасском, турецком, старо-азербайджанском языках (СИГТЯ, 2001, с. 159). В современном якутском языке үүс сосуществует с литературно-нормативным бэдэр ‘рысь’.

Хабыйахаан: ...*хабыйахаан курдук эттээх*... = ...имеет (белое) тело как куропатка... Классический диалектизм аб., амг., горн., коб., нюрб., канг., олекм., сакк., сунт. говоров. Является заимствованием из эвенкийского языка: *кавекан*, Алд, Учр, 3 ‘куропатка’ (Мыреева, 2004, с. 264). В эпических текстах выражение *хабыйахаан курдук эттээх* используется в эпитетах и сравнительных конструкциях при описании светлой, белотелой женщины – чаще в мифонимах (например, в эпитете *Аан Алахчын Хотун* – хозяйка земли, богиня плодородия) (Дьүлэй нэһилиэгин..., 2013, с. 45).

Халчаҕай: ...*халчаҕай мэйибинэн харсаммын*... = ...боднув плешивой головой... *Халчаҕай*, инд., кол. ‘лысый – о человеке’ (ДСЯС, 1995, с. 215). Имеет лексические параллели в монгольских и тюркских языках:

бур. *халсархай* 'облезший; облысевший' (БМРС, 1951, с. 541), тув. *калчан* 'лысый, плешивый; лысый, плешь', *калчар, калчай-* 'лысеть' (ТРС, 1968, с. 222-223). В олонхо *халчабай* употреблен в сочетании с распространенным диалектным словом *мэйиш*, аб., алл., ан., бул., верх., коб., мом., канг., ср.-кол., ойм., сакк., сунт., у.-янк., у.-алд., в.-кол., жиг. 'голова' (ДСЯЯ, 1976, с. 168).

Хойук: ...*тобус мастаах хойук ончо саба...* = ...с долбленку-лодку из девяти досок... (о размере чего-л.). В м.-канг. говоре: 'большая лодка' (ДСЯЯ, 1976, с. 288). Указывается, что заимствовано от рус. *каюк*. Действительно, в словаре В. И. Даля (1881, с. 101): 'басть, ботничекъ, долбушка, однодеревка без набоев или душегубка, лодченка, каючекъ'. Еще в древнетюркском языке было отмечено слово *qajuiq* 'лодка, челн' (ДТС, 1969, с. 407). Также помечено как тюркизм в русском языке: *каюк, юка* (тюрк. *kajuk* 'лодка, челн'). 1. Небольшая речная плоскодонная лодка с двумя веслами. 2. *ист.* Грузовое одномачтовое парусно-гребное судно, использовавшееся на реках (Крысин, 2006, с. 348). Из современных тюркских языков можно привести пример из турецкого языка: *kayik* 'лодка' (ТРС, 1977, с. 525). Любопытно, что в других говорах якутского языка данное слово не отмечено, но в других олонхо встречается преимущественно в центральной традиции сказительства: в амгинском (Уурастыырап, 1941), в чурапчинском (Кривошапкин, 2011), в олонхо сказителей Горного улуса (Горнай олонхолоро, 2010).

Необходимо отметить, что большинство слов из диалектной лексики олонхо М. Е. Новикова употребляется в центральной диалектной зоне якутского языка. Выявленные лексемы можно оценивать как диалектизмы, которые используются в качестве средства стилизации эпического текста. Присутствие некоторых диалектизмов в этом олонхо может прояснить вопрос об их распространенности и в будущем уточнить и дополнить пометы говоров в диалектологических словарях якутского языка.

В диалектном пласте текста олонхо наряду с тюркизмами (*хойук* – водный транспорт, *үүс* – зооним) выделяются лексические параллели с монгольскими (*алчабар, халчабай* – образные слова; *баҕады* – орудие рыболовства), с тунгусо-маньчжурскими языками (*ньында* – географический термин; *хабыйахаан* – орнитоним). Конечно, эпический текст отличается от обычной лексики, но тем не менее сказительский лексикон не может обойтись без включения и диалектной, и нормативной лексики языка. Тем самым вырисовывается своеобразный срез лингвистического ландшафта того времени, в котором сказительские школы (внутри одной локальной традиции – центральной) в той или иной мере пересекались. Таким образом, в рассмотренных примерах мы видим те лексические единицы и понятия, которые были в обиходе среди носителей языка, в том числе и сказителей.

Что касается палитры говоров, то ярко выделяется центральная диалектная зона якутского языка, что тоже вполне объяснимо, поскольку не только само олонхо М. Е. Новикова – Мэлэх Мэхээлэ относится к амгинской традиции сказительства, но и лексика, по сути, является наследием и репрезентантом центральных говоров.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

- диалектная лексика олонхо М. Е. Новикова – Мэлэх Мэхээлэ «Дуолан Баай Тойон, Арҕас Баай Хотун» содержит незначительное количество диалектных единиц, т. к. имеет черты нормативно-литературного характера, которые известны среди носителей не только центрального, но и всех диалектных зон якутского языка;
- семантика рассмотренных лексем в целом не имеет тех особенностей, которые могли бы считаться свойственными только амгинскому говору, поэтому можно предположить о сложившемся лексическом составе лексики, который употребляется в текстах олонхо центральной сказительской традиции, в ареал которого входят вместе с амгинским таттинский, чурапчинский, мегино-кангаласский, усть-алданский говоры;
- присутствуют монгольские, тунгусо-маньчжурские лексические параллели, которые сосуществуют в лексическом составе якутского языка наравне с тюркизмами, восходящими к древнетюркской лексике, тем самым текст олонхо в целом подтверждает присутствие в лексике якутского языка пластов различного происхождения. В плане выявления нового факта можно назвать *хойук* 'лодка', которая, по сути, является тюркизмом, а не русизмом, как часто приводится в комментариях ранее изданных текстов олонхо. Также новым в нашем исследовании можно считать прояснение (хотя и не окончательное) фитонима *танса харыйа*, семантика которого, по всей вероятности, восходит к тунгусо-маньчжурской лексике;
- диалектная лексика в данном эпическом тексте употребляется как составной элемент описания окружающего ландшафта, фауны, а также для обозначения внешних особенностей персонажа.

В качестве перспектив дальнейшего исследования языка олонхо можно назвать описание семантики диалектной лексики разных локальных традиций сказительства в целях систематизации наиболее типичных диалектных единиц, употребляемых в олонхо разных сказительских традиций, а также для составления корпуса диалектной лексики якутского языка с привлечением диалектного материала из текстов олонхо.

Сокращения

- аб. – абыйский говор
- Алд – верхне-алданско-зейский диалект эвенкийского языка
- алл. – аллаиховский говор
- амг. – амгинский говор

ан. – анабарский говор
 букв. – буквально
 бул. – булунский говор
 бур. – бурятский язык
 верх. – верхоянский говор
 вил. – вилуйский говор
 в.-вил. – верхневилуйский говор
 в.-кол. – верхнеколымский говор
 вил. окр. – говор Вилуйского округа (до 1917 г.)
 горн. – горный говор
 др.-тюрк. – древнетюркский язык
 жиг. – жиганский говор
 З – зейский говор верхне-алданско-зейского диалекта эвенкийского языка
 инд. – индигирский говор
 ист. – историзм
 канг. – кангаласский говор
 коб. – кобьяйский говор
 кол. – колымские говоры
 М – майский диалект эвенкийского языка
 м.-канг. – мегино-кангаласский
 мом. – момский
 нам. – намский говор
 нюрб. – нюрбинский говор
 ойм. – оймьяконский говор
 олекм. – олекминский говор
 олен. – оленекский говор
 п.-м. – письменно-монгольский язык
 рус. – русский язык
 сад. – садынский говор
 сакк. – саккырырский подговор верхоянского говора
 ср. – сравни
 ср.-кол. – среднеколымский говор
 стлб. – столбец
 сунт. – сунтарский говор
 татт. – татгинский говор
 ток. – токкинский говор
 тув. – тувинский язык
 тюрк. – тюркский язык
 у.-алд. – усть-алданский говор
 Учр – учурско-зейский диалект эвенкийского языка
 у.-янк. – усть-янский говор
 чур. – чурапчинский говор
 эвф. – эвфемизм
 ~ – знак фонетического соответствия

Источники | References

1. Афанасьева Е. Н. Сказитель как языковая личность (на примере олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Кул-лустуур») // Афанасьева Е. Н. Семантические модификации лексических единиц в современном якутском языке. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013.
2. Васильев Г. М. Живой родник: об устной поэзии якутов / науч. ред. Н. В. Емельянов. Якутск: Кн. изд-во, 1973.
3. Воронкин М. С. Саха диалектологиятын очерката: фонетика уонна морфология = Очерк якутской диалектологии: фонетика и морфология / отв. ред. Н. Е. Петров. Якутскай: Кинигэизд-вота, 1980.
4. Данилова Н. И. Особенности языка эпического текста: олонхо А. Т. Титарова «Хардааччы Бэргэн» // Язык и культура: текст и контекст: (междисциплинарные исследования) / редкол.: Н. Н. Ефремов, Н. И. Попова, Е. Н. Афанасьева, Р. П. Кузьмина. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2023.
5. Зыков Ф. М. О семантических связях топонимов быраан и мурэн // Якутский язык. Диалектология: сб. науч. тр. / отв. ред. М. С. Воронкин. Новосибирск: Наука, 1998.
6. Иванов С. А. Центральная группа говоров якутского языка: фонетика. Новосибирск: Наука, 1993.
7. Илларионов В. В. Түөлбэ олонхоһуттара: олонхолооһун уратылары = Локальные традиции олонхосутов: особенности исполнения олонхо / науч. ред. Л. С. Ефимова. Дьокуускай: ХИФУ кинигэ кыһата, 2016.
8. Крылов Г. В., Таланцев Н. К., Козакова Н. Ф. Кедр. М.: Лесн. пром-сть, 1983.

9. Кузьмина А. А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы / отв. ред. В. В. Илларионов. Новосибирск: Наука, 2014.
10. Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера, Г. А. Левинтона. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.
11. Николаев Е. Р. Язык олонхо М. Е. Новикова-Мэлэх Мэхээлэ «Дуолан Баай Тойон, Арҕас Баай Хотун» // Амгинская традиция олонхо в записях В. Н. Васильева: в 2-х ч. / сост.: А. Н. Данилова, С. Д. Мухоплева. Якутск: Алта, 2024. Ч. 2. М. Е. Новиков-Мэлэх Мэхээлэ. Дуолан Баай Тойон, Арҕас Баай Тойон.
12. Организация и проведение диалектологических, социолингвистических экспедиций по мониторингу состояния якутского языка: рукопись Отчета о НИР / ИГиИПМНС СО РАН; рук. Е. Р. Николаев. Якутск, 2022.
13. Пропп В. Я. Русский героический эпос. Изд-е 2-е, испр. М.: Гослитиздат, Ленингр. отд-ние, 1958.
14. Пухов И. В. От фольклора к литературе: статьи о фольклоре и литературе / ред. В. В. Тищенко. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1980.
15. Роббек Л. В. Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо / отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2014.
16. Семенова Е. В., Нелунов А. Г. Якутские основы-омонимы, имеющие параллели в монгольских языках (ландшафтные названия) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-2 (72).
17. Слепцов П. А. Лингвофольклористика: проблемы и задачи (на материале якутского фольклора) // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Гацак и др. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991.
18. Слепцов П. А. Язык олонхо: лексика, семантика // Якутский язык: лексикология, лексикография: сб. науч. тр. / редкол.: М. С. Воронкин, Е. И. Коркина, И. П. Винокурова. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989.
19. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2007.

Благодарность | Acknowledgements

RU Исследование выполнено с использованием научного оборудования ЦКП Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук».

EN The study was carried out using scientific equipment of the Center for Collective Usage at the Federal Research Center “Yakut Scientific Center of the Siberian branch of the RAS”.

Информация об авторах | Author information

RU **Николаев Егор Револьевич¹**, к. филол. н.
¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

EN **Egor Revolievic Nikolaev¹**, PhD
¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the RAS, Yakutsk

¹ 1953307@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.06.2024; опубликовано online (published online): 22.07.2024.

Ключевые слова (keywords): диалектная лексика якутского языка; центральная диалектная зона якутского языка; особенности языка олонхо; амгинский сказитель М. Е. Новиков – Мэлэх Мэхээлэ; dialect vocabulary of the Yakut language; central dialect zone of the Yakut language; features of the olonkho language; Amga storyteller M. E. Novikov – Melekh Mekheelee.